

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2.

ПОНЯТИЕ БИОПОЛИТИКИ В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

Е. В. Мищишина, А. С. Костомаров

В статье исследуются основные идеи и смыслы теории биополитики М. Фуко. Актуальность выбранной темы обусловлена экзистенциальной направленностью человека к прояснению политических условий своего существования, пониманием того, как формируется пространство совместного существования и как в нем решаются актуальные общественные вопросы. Для решения данной проблемы авторы анализируют современный общественный порядок через обращение к понятию биополитики М. Фуко. В современной гуманитарной науке биополитика представляет собой актуально обсуждаемый подход к организации жизни людей и набор социально-политических практик, который, по мнению Фуко, становится главенствующей формой управления населением. Теоретическая значимость исследования состоит в раскрытии коммуникативного характера биополитики, в анализе антропологических проявлений биополитики на уровне трансформации субъекта, процесса медиализации жизни и изменения времени, труда и досуга. Научной проблемой является не только исследование биополитических аспектов творчества Фуко, но и рассмотрение реальных практик их применения в современной истории.

Ключевые слова: биополитика, власть, биовласть, тело, труд, досуг.

Обратившись к особенностям современных обществ, можно заметить, что они сталкиваются со специфическим парадоксом. Чем больше государство уходит из сфер общественной жизни (здравоохранение, образование), расширяя возможности свободного рынка, тем больше полномочий и прав оказывается в руках у государства. Вопреки классической либерально-политической мысли, согласно которой уход государства из общественных сфер должен привести к ограничению его влияния, в современном мире мы наблюдаем обратный результат.

Вышеупомянутый парадокс является одной из ключевых проблем современной политической теории. Одной из теоретических попыток осмысления обозначенного парадокса является теория биополитики Мишеля Фуко. В современной социальной теории биополитика является актуально обсуждаемым набором социально-политических практик и

подходов к организации повседневной деятельности людей.

В XXI веке концепция «биополитики» Фуко не только не утратила своей актуальности, но и получила большее распространение, эволюционировала, впитав в себя новые практики рационального управления. Новые технологии, такие как камеры видеонаблюдения, Face-ID, идентификация через отпечатки пальцев и многое другое, заставляют современных интеллектуалов все чаще обращаться к работам Фуко.

Само понятие «биополитика» является проблематичным с точки зрения традиционной политической философии, так как еще со времён Аристотеля биологическое существование по определению уступало политическому. Среди множества подходов к определению термина «биополитика» значимым для нас является тот контекст, который философ определил в своих работах в конце 70-х годов. Фуко

раскрывает смысл биополитики в курсе лекций – «Зарождение биополитики», который был прочитан им в Коллеж де Франс. Фуко рассматривал концепцию биополитики следующим образом: «Под этим термином я имел в виду попытку рационализации, начиная с XVIII в., проблем, ставившихся перед практикой управления, феноменами, присущими единствам людей, или населению – такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы...» [1, с. 405]. Однако смежный термин «биовласть» философ вводит еще в 1976 году в своей работе «История сексуальности», вкладывая в это понятие замещение власти авторитета (по линии «суверен и подданный») современными технологиями властвования, направленными на такие феномены, как «население» и «жизнь».

Благодаря демографическому росту в XVIII веке, возникновению государств с республиканской формой правления, объектом власти становится не конкретный индивид (власть авторитета: феодал и его вассал), а популяция, население. Эту технологию власти Фуко противопоставляет механизмам, посредством которых суверен вплоть до классической эпохи пытался обеспечить сохранность своей территории. К. Мартынов в своей работе «Рождение безопасности» пишет о территории следующее: «Территория – это понятие, пришедшее из географии и геополитики; его политическим коррелятом выступает суверенитет. Система суверенитета относительно проста: это противопоставление “своего” и “чужого”, система запретов и разрешений, которые разграничивают пространство» [2].

Переход господства над территорией к управлению населением Фуко объясняет развитием и адаптацией иудеохристианских политических идей, основой которых является представление о государе-пастыре. С утверждением этих идей государь становится не просто сувереном, который имеет власть над некоторой территорией, но и пастырем своего народа, нуждающегося в управлении и опеке. По мнению Фуко, «...население как объект управления – это уже не некоторое количество и не огромное число индивидов, которые работают и подчиняются правилам» [3]. Именно в этот период формируется новое понимание человека, который начинает представлять собой автономно функционирующего индивида с

набором личных интересов, максимизирующего собственную полезность. И новая политика – биополитика, политика самой жизни, направлена на управление такими индивидами.

Характерной чертой населения является его рассеянность в физическом пространстве, т.е. население нуждается в «собираании», регуляции и контроле. Новому режиму гораздо проще управлять населением, рассматривая его как набор биологических существ. А. Негри в своей работе «Труд множества и ткань биополитики» более подробно раскрывает это положение: «Биополитика призвана заботиться о благополучии и воспроизводстве населения, она берет под контроль управление здоровьем, гигиеной, питанием, рождаемостью, сексуальностью и т. д., представляя собой с тех пор своего рода великую «социальную медицину», которая, как способ управлять жизнью, получает применение в контроле над населением» [4, с. 80]. Превращение «государства территории» в «государство населения» означало появление принципиально иного отношения к человеческой жизни. Жизнь людей и их здоровье стали обретать всё большее значение, как предмет внимания суверенной власти. В итоге, старое суверенное право власти, которое, по Фуко, звучало как «позволить жить или заставить умереть», модифицировалось в прямо противоположное – «заставить жить или позволить умереть». Таким образом и обозначился «биополитический поворот» в истории Европы, о котором и заявил М. Фуко [5].

Важно подчеркнуть отличие биополитики от классического представления о государственной власти. Традиционный подход к власти ориентировался на сохранение территории государства и защиту населения от внешних врагов. В биополитике гарантии защиты несколько другие – государство гарантирует защиту от внутренних неблагоприятных факторов, таких как несчастный случай, болезнь, ущерб, риск и т.д., что требует совершенно иного правопорядка. Государство, которое гарантирует не только защиту от негативного воздействия извне, а первоочередно защиту внутри этого самого государства, обязано вмешиваться во всех случаях, когда нарушается миропорядок. Подобное вмешательство уже не является произволом и злоупотреблением власти, оно определяется в понятиях заботы о населении, что в свою очередь являет собой

неограниченный ресурс для применения биополитических механизмов.

Если традиционная политика вершилась на уровне коллективных тел – общностей, коллективов и групп, то биополитика касается прежде всего индивидуальных тел. Биовласть создаёт определённый плюрализм, свободу действий, к которым относится с большой терпимостью. Однако зачастую эта терпимость в одних вопросах является оправданием для чрезмерного вмешательства в другие сферы. Уже представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что биополитика функционирует не через вертикальное воздействие, а посредством коммуникативного и даже интерактивного отношения.

Существенное различие между властью дисциплинарной и властью биополитической прослеживается на уровне отношения к индивидам и множествам индивидов. О.В. Самовольнова в своей работе «Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри» трактует это различие следующим образом: «Дисциплинирующая власть управляет множеством для того, чтобы превратить его в послушные тела и заставить участвовать в общественных процессах с целью получения экономической выгоды. Биополитическая технология обращается к множественности именно потому, что она уже участвует в общих глобальных процессах: рождение, воспроизводство, болезни, смерть и т. д.» [6, с. 262].

Дисциплинарная власть действует на человека посредством контроля и подчинения, а в биовласти субъект сам, через самопознание и самосознание осуществляет контроль над собой. В ситуации биополитики главной целью выступает забота о теле индивида: здоровье, удовольствие, питание, безопасность. Если дисциплинарная власть связана с действиями государственных структур, то биовласть включает в себя надзор за душой и намерениями человека, ее предметом является реальная телесная жизнь индивидов. «Биовласть – это власть над самой жизнью, дисциплинарная – контроль над территорией и исполнением законов жителями этой территории» [7, с. 159]. Анализ показывает, что такой подход к власти развивает механизмы скрытого порабощения и угнетения и развивает еще более опасные для субъекта механизмы прямого принуждения.

Биополитика демонстрирует разрыв, но-визну современных политических практик по сравнению с традиционными. Это новая власть, которая интегрирует в область интереса государства такие проявления человеческой жизни, как в первую очередь рождение и смерть. Сама жизнь со всеми ее естественными проявлениями становится предметом манипулирования, на нее направлена забота государства, она становится пространством, в котором принимаются политические решения. Как результат, жизнь становится измеримой величиной и входит в область интересов новых дисциплин: статистика, демография, эпидемиология и биология.

Специфика биополитического субъекта

Важной частью исследования феномена биополитики является вопрос о субъекте. Биовласть определяет человека уже не как свободно действующего индивида, а как составную часть населения. В пространстве биополитики человек не способен к критической мысли, к свободному выбору и автономному действию, он есть не что иное, как представитель населения. В сборнике «Интеллектуалы и власть» М. Фуко дает следующее определение понятию население: «Новая технология власти имеет дело не с обществом в юридическом смысле этого слова и не с индивидом-телом, а с населением, причём не как с проблемой политической, а как с проблемой биологической и проблемой власти» [9, с. 259]. С. С. Русаков в своей диссертации определяет особенность населения в биополитическом пространстве следующим образом: «Биополитика стремится относиться к «населению», как ко множеству сосуществующих существ, которые наделены конкретными биологическими чертами, а следовательно, относятся к сферам специфических знаний и техник» [8, с. 3]. Как мы видим, биополитика не рассматривает индивида детально, она сосредотачивает внимание на биологических процессах человека-рода и в отношении их обеспечивает не дисциплину, а регулирование.

Биополитика вырабатывает правила к исчислению рождаемости, приемы контроля численности населения. Однако биополитика обращена не только на проблему воспроизводства населения, она направлена на проблемы заболеваемости. В отличие от средневековой

культуры, речь идет не об эпидемиях, а о болезнях, которые служат наиболее частыми причинами уменьшения рабочего времени, экономических издержек, смерти, снижения энергии индивидов, что приводит к потерям в производстве и расходам на уход за больными. То есть биополитика рассматривает феномен заболеваемости населения не как смерть статичную, а как всегда присутствующую смерть, которая проникает в жизнь и ослабляет ее.

Как мы упоминали выше, биополитика меняет функции власти с «заставить умереть» (М. Фуко) на «заставить жить». Теперь, когда власть вмешивается на глобальном уровне с целью улучшить жизнь, контролировать ее случайности, риски и недостатки, сама смерть как граница жизни становится пределом власти, выходит за её рамки и становится тем, на что власть могла бы воздействовать в целом. В условиях суверенного права смерть олицетворяла абсолютную власть суверена. Теперь же власть больше не имеет отношения к смерти – её влияние распространяется уже не на смерть, а на смертность.

Вопрос о субъекте биополитики оказывается в центре рассмотрения работ Дж. Агамбена. По мнению философа, современные биополитические режимы существуют в ситуации перманентного чрезвычайного положения. В исследовании И. И. Кобылина «Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти» делается заключение о том, что «если когда-то парадокс суверенности выражался формулой “ничто не существует вне закона”, то в наши дни, когда исключение стало правилом, формула парадокса принимает симметричную форму – “всё существует вне закона”. Вся планета стала включённым исключением» [10, с. 178].

Ключевой фигурой и главным символом биополитики Агамбена является фигура *homo sacer*. В древнеримском праве так называли того, кого можно было безнаказанно убить, но нельзя было при этом принести в жертву, поскольку он изымался из поля действия закона и попадал под защиту богов. Именно эта фигура становится истинным субъектом биополитики – тем, кого можно убить безнаказанно, кого можно свести к животному существованию, к голой жизни. Подлинная цель биовласти заключается в производстве голой жизни. Дж. Агамбен в своем труде «*Homo Sacer*.

Суверенная власть и голая жизнь» даёт следующее определение «голой жизни»: «Не просто естественная жизнь, но жизнь, обречённая на смерть (голая жизнь или *vita sacra*), является началом политического. Первоосновой политической власти является жизнь, абсолютно не защищённая, которая включается в сферу политического, поскольку её можно всегда безнаказанно отобрать...» [11, с. 114].

Согласно Агамбену, биополитика всегда осуществляется через введение режима чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации. Чрезвычайное положение становится «не столько пространственно-временной приостановкой, сколько сложной топологической фигурой, в которой правило и исключение, естественное состояние и право, внешнее и внутреннее переходят одно в другое» [11, с. 116]. В такой ситуации человек лишается своих социальных и правовых свобод, и само человеческое существование редуцируется к голой жизни, к жизни, лишённой прав, к животному существованию. Естественное состояние, которое Т. Гоббс противопоставляет искусственному, цивилизационному, не исчезает, а функционирует в новом режиме чрезвычайного положения. Таким образом, человек включается в политический порядок через свое исключение (голая жизнь), включенное исключение. «Политика смогла в невиданных прежде масштабах состояться как политика тоталитарная только благодаря тому, что в наше время она полностью обратилась в биополитику» [11, с. 153]. В таких условиях само право становится производной «чрезвычайного положения», невозможно просто вернуться к нормативному праву. В итоге, чрезвычайное положение становится нормой, правовым состоянием социальной системы.

Представленный анализ позволяет сделать заключение о том, что биополитика рассматривает человека как представителя населения, а население, в свою очередь, это множество сосуществующих существ, которые нуждаются в систематическом контроле и управлении. Государство начинает брать на себя ответственность за организацию самой жизни населения (размножение, рождаемость, смертность), а состояние постоянного «чрезвычайно-го положения», о котором пишет Агамбен, становится нормой и открывает новые возможности для биополитического воздействия на население.

Проблема медиализации жизни

М. Фуко трактует медиализацию как особую политическую технологию или «искусство управления». Биовласть как власть над жизнью берет под свой контроль телесные практики, ее основным инструментом является медицина, которая осуществляет надзор над рождаемостью и смертностью. Проявляя заботу о безопасности жизни человека, биополитика навязывает людям «норму» – определённые биологические стандарты, в которые должна вписываться наша телесность. В своей работе «Рождение социальной медицины» М. Фуко пишет следующее: «Современная медицина представляет собой социальную медицину, основа которой – определенная технология социального тела; медицина есть социальная практика, и только один из ее аспектов является индивидуалистическим и аксиологически окрашивающим отношения между врачом и больным. Контроль общества над индивидами осуществляется не только через сознание или идеологию, но и в теле, и вместе с телом. Для капиталистического общества важнее всего биополитическое, биологическое, телесное измерения. Тело – биополитическая реальность; медицина – биополитическая стратегия» [12, с. 82–83].

Человеческое тело начинает оцениваться в качестве точки приложения биовласти. Медицина, имея «доступ к телу», в самом широком смысле этого понятия, обладает колоссальной властью. И речь идёт не о контроле над одним конкретным индивидом, а о политическом контроле над обществом в целом. Возможность надзирать за жизнедеятельностью индивидов, констатировать смерть и инвалидность, изолировать людей друг от друга в случае необходимости и т.д. – все это находится в юрисдикции медицины. Биополитика, в свою очередь, пользуясь инструментарием медицины, обладает контролем над обществом и получает всеобъемлющую картину состояния населения.

В своих исследованиях Фуко определяет медиализацию не только как социальный феномен, вследствие которого человек все больше интегрируется в систему здравоохранения, но и как дискурсивную стратегию, которая легитимизирует действия власти. «В современном мире телесные техники уже полностью охвачены функционалом социальных институтов – физическая подготовка, осуществляемая

в спортзалах; питание, диктуемое диетами и т.д.» [8, с. 123]. Широта медицинского дискурса включает в себя и психиатрический дискурс, и дискурс сексуальности, и другие сферы научного знания, оставляя весь спектр вопросов телесности человека на попечение государству.

В данном контексте будет особенно показательно рассмотреть дискурс сексуальности. М. Фуко описывает её как некий сценарий, сконструированный властью и контролируемый социальными представлениями и предписаниями. Для М. Фуко сексуальность – не естественная данность, а продукт, следствие воздействия постепенно формирующихся дискурсивных практик на общественное сознание системы, которые можно назвать результатом деятельности системы надзора и контроля над индивидами. Сексуальность не только не чужда власти, а, напротив, власть стремится к максимальному контролю над индивидами и осуществляет этот контроль через воспитание послушных тел и умов. «Сексуальная жизнь человека становится поводом для ежеминутного контроля, для нескончаемых медицинских и психологических обследований, для статистических оценок, что приводит буквально к целой микровласти над телами» [6, с. 264].

С точки зрения Фуко, любая власть функционирует при сочетании трёх управленческих практик — суверенитет, дисциплина и биополитика. Особенностью биополитики является то, что она отождествляет безопасность отдельного человека с безопасностью всего населения, а соответственно, с безопасностью государства. У нее нет единого центра, она присутствует во всех областях человеческой жизни, поэтому биовласть по своему существу анонимна. М.А. Гаджиев в своем исследовании «Проблема “физического вреда” в теории международных отношений» пишет следующее: «С самого своего рождения человек попадает под действие биополитики: сдача анализов, замеры роста и веса, оценки состояния здоровья, всё это указывает на то, что является “нормой” для этого человека, и в каком направлении он будет развиваться в будущем» [13, с. 29].

Представленный анализ работ М. Фуко показывает, что медицинский дискурс призван легитимизировать существующий властный порядок и происходящие в обществе экономические и политические и процессы.

Медикализация жизни приводит к тому, что сама жизнь начинает пониматься как рискованный проект. Человеческая жизнь помещается в логику риска, поскольку жизни угрожают различного рода инфекции, болезни, поэтому человеческое здоровье нуждается в постоянном контроле, охране и надзоре со стороны государства.

Трансформация времени, труда и досуга

Биовласть охватывает все телесные практики индивидов, разве что за исключением вопроса сна, который в силу своей излишней иррациональности не может быть охвачен социальными институтами. В пространстве биополитики разворачивается настоящая «борьба за время», и это подразумевает под собой «борьбу за новый быт». Не только труд, но и досуг вплоть до любого неэкономного использования времени, как опоздание, заминка, задержка, входят в спектр этой борьбы. «Борьба за время есть дерзкая борьба за выработку нового человека» [14] – такое определение в контексте советского режима власти было дано в газете «Время» в 1923 году, однако оно актуально не только для того периода времени, а для режима биополитики в целом.

В пространстве биополитики понятия труда и досуга приобрели иное значение, иную коннотацию, чем в других конфигурациях власти. Индивид находится в центре биополитических экспериментов, которые претендуют на охват его жизни и времени – отдых и нерабочее время – стали предметом особой заботы и переоценки. В пространстве биополитики люди становятся белее активными и организуют своё свободное время, занимаясь различными видами производственного досуга. Этот тезис подтверждают В. Вахштайн и М. Маяцкий в своём исследовании: «Тенденция делать досуг производительным столь выражена, столь инвестирована индустриями, что самим индивидом праздность воспринимается как нехватка, и он спешит обменять её на тот или иной досуг» [15, с. 2]. Например, при приёме на работу потенциального кандидата могут оценивать по его активности в социальных сетях. Можно наблюдать тенденцию «коллективного досуга, который непрерывно должен быть связан с потреблением, посредством которого он вовлекается в производство; необходимости занять свой досуг интеллектуальными хобби, которые повышают конкурентоспособность индивида на рынке труда» [15, с. 11–

15]. В новом пространстве работа становится относительной случайностью, которая индивидуализируется и отходит на задний план, а досуг предписанной необходимостью, которая коллективизируется и становится определяющей.

С нашей точки зрения производящий смысл досуга определяется тем, что ядром биополитики в современной культуре является ее взаимосвязь с экономической властью, включённостью биотехнологий в рыночные отношения, поэтому досуг, которым занимается человек, должен быть направлен на улучшение здоровья, качества жизни, чтобы в дальнейшем человек мог стать эффективным участником производственных отношений. Поэтому на современном этапе развития капитализма развитие рыночных отношений осуществляется через оптимизацию жизненных сил населения, максимизацию физических ресурсов и их эффективность для рыночной экономики.

Биополитика пересматривает не только понятия рабочего и свободного времени, но и влияет на отношение человека к самому себе. В классическую эпоху, в античной и средневековой культуре человек использует практики заботы о себе (философия, спорт, гигиена, аскеза) для духовного преображения, для заступания в пространство истины. Биополитический субъект теряет власть над «заботой о себе», поручает её социальным институтам – медицинским учреждениям, учебным заведениям [16].

Анализ показывает, что в пространстве биополитики понятие времени радикально трансформировалось. Четкого разграничения времени для отдыха и труда больше не существует – досуг становится производящим, работа приобретает характер относительной случайности, а индивид находится в состоянии перманентной максимизации собственных возможностей, всё больше интегрируясь в биополитический порядок.

Современный мир в фокусе биополитики

В ходе анализа, как мы видим, сама жизнь становится политическим объектом, что приводит к обратной стороне и крайним формам биовласти – евгеника, расовая политика, а также массовый геноцид, осуществляемый по расовому либо национальному признаку и т.д. Современная история содержит много примеров подобной реализации биовласти. Остановимся на некоторых из них.

Современный Китай (КНР) – государство, которое активно применяет инструментальной биополитики для управления своими гражданами. С 2017 года в КНР начала действовать тотальная система распознавания лиц граждан, что во многом обуславливается отсутствием закона о защите персональных данных. Финансовая компания «Ping An» сканирует лицо при выдаче кредитов, однако используемая ими технология может оценить состояние здоровья человека, индекс массы тела и понять, обладает ли он избыточным или недостаточным весом. С 2020 года Китай планирует ввести «рейтинг общественной надежности» – каждому жителю будет присваиваться определенное количество баллов, исходя из его поведения. На основе этих баллов ему будут открывать или закрывать доступ к туристическим визам, социальным пособиям и т.д. Более того, такие технологии дают доступ не только к физическому, но и к духовному – физиогномика пользуется большой популярностью в Китае, по лицу определяют настроение, тип личности, духовные качества индивида. С помощью указанных технологий китайское правительство сможет собирать гигантский объем информации о своих гражданах. Полученная информация может использоваться для контроля над населением, подавления любых видов недовольства и протеста.

Ещё один пример биополитики из современной истории неразрывно связан с категорией расы. В США в первом десятилетии XX века было решено всерьез заняться селекцией населения ради сохранения его здоровья. Преимущественно под селекцию попадали афроамериканцы и индейцы, проживающие на территории страны. Насильственной стерилизации, запрету на вступление в брак также подвергались люди, определённые как «эпилептики, имбецилы и слабоумные». Во множестве штатов для нежелательных элементов создавались специальные заведения – психиатрические больницы для людей с психическими и физическими изъянами. При этом определения слабоумия и других отклонений были столь расплывчатыми, что под них попадали и те, кто отличался необычными привычками [17]. Чаще всего принудительной стерилизации подвергались женщины-афроамериканки – считалось, что они не могут контролировать свою половую жизнь. За опекой над благосостоянием

нации стояло ограничение роста числа чёрных семей, претендующих на социальное пособие. Таким путем, власть, используя механизмы биополитики, возведя стерилизацию в закон, получила возможность использовать доступ медицины к телесности индивидов для реализации своих целей.

Одним из главных событий 2020 года уже стала пандемия коронавируса. Многие интеллектуалы отмечают, что она служит оправданием для внедрения «тоталитарных» мер контроля и регулирования населения. Агамбен рассматривает данную ситуацию с точки зрения биополитического инструмента: «Можно сказать, что как только терроризм будет исчерпан в качестве оправдания для принятия исключительных мер, изобретение эпидемии может стать идеальным предлогом для расширения таких мер за пределы всяких границ». Такую же точку зрения разделяет и словенский философ Славой Жижек: «Сегодня я боюсь больше, чем самих мер, применяемых Китаем (и Италией, и...) того, что эти меры применяются так, чтобы не сдерживать эпидемию, а чтобы власти могли манипулировать истинными данными и скрывать их» [18].

Закрытые границы, отмененные авиарейсы, жесткие ограничения на перемещения внутри стран – всё это становится легитимным в условиях пандемии. «Государству легко контролировать перемещения людей, чужой досуг – закрыв общественные места, легко регулировать взаимоотношения между людьми, легко вмешаться даже в область религиозной свободы – запретив в стране все богослужения. Стало возможным открыто отследить людей, с которыми контактировал инфицированный, и для этого использовать все технологии слежения – приложения на смартфонах, GPS, камеры наблюдения и т.д.» [19]. В условиях паники, когда человек становится более управляемым, ситуацию легко можно довести до введения обязательной системы контроля — (хотя бы при пропуске за границу и в офис) измерения пульса и т.д., ради безопасности самих же граждан, для селекции «правильных» людей.

Столь широкие полномочия и возможности биополитического управления подводят исследователей к закономерному вопросу – есть ли практики сопротивления современным биополитическим режимам. С нашей точки зрения таким ответом может стать либеральная

демократия, под которой мы подразумеваем не идеологию, а способ действий. Демократия выступает принципом и методом рационализации управления, инструментом критики устоявшихся форм государственного управления.

Как инструмент корректировки действующей государственной политики, либеральная демократия должна критически оценивать все чрезмерные проявления власти и искоренять их. В этом Фуко видит обязанность современного интеллектуала – критически анализировать режимы существования власти и указывать на новые формы ее конфигурации. Современная история хранит много случаев, когда отдельный индивид или группа индивидов сопротивлялась биовласти. Ранее мы рассмотрели ситуацию с процессом принудительной стерилизации в США – в качестве субъекта-антипода очень показателен пример Фанни Лу Хамер, которую в 1961-м стерилизовал белокожий доктор, не предупредив женщину о сути операции. Она сыграла большую роль в формировании проекта Студенческого ненасильственного координационного комитета, выступала против радикального вмешательства государства в вопросы деторождения, в частности за отмену принудительной стерилизации. Не менее иллюстрирующим примером служит деятельность американских демократов, которые выступают против запрета на аборты, который, по их мнению, является не только нарушением прав женщин, но и вмешательством в частную жизнь человека.

Заключение

В заключении приходим к выводу, что Фуко подходит к определению биополитики как к практикам рационального управления, инструментом которого служит максимальный контроль над населением как над живыми биологическими организмами, проникающий во все слои их жизнедеятельности. Фуколовская концепция власти, доминирующую в либерально-ориентированной западной политической мысли, стоит рассматривать как универсальную, так как она анализирует власть в политическом аспекте, но также может проводить анализ и в других пространствах, где существуют отношения властного типа. Достижением Фуко является новаторский подход к трактовке власти и генезису современной политики, и его концепция отвечает главной задаче

современности – выйти из исторических, научных и идеологических рамок и найти методы и способы рационального и справедливого управления, отвечая философской и гражданской миссии интеллектуала.

Литература

1. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
2. Мартынов К. Рождение безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/2/rozhdenie-bezopasnosti.html> (дата обращения: 22.05.2020).
3. Фуко М. Безопасность, территория, население. Лекция 5 апреля 1978 года [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6706> (дата обращения: 22.05.2020).
4. Негри А. Труд множества и ткань биополитики // Синий диван. 2008. № 12. С. 79–92.
5. Опарин А. Ю. Концепция биополитики Мишеля Фуко в контексте современного неолиберального социального порядка // Саратовские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: матер. 18-й междунар. научной конф. 2018. С. 84–86.
6. Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4-2 (10). С. 261–271.
7. Фролов А. А. Субъект и субъективация в ситуации биополитики: Фуко, Рансьер // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 11. С. 156–163.
8. Русаков С. С. Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. 235 с.
9. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
10. Кобылин И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // Философия и общество. 2011. № 3. С. 171–183.
11. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.

12. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
13. Гаджиев М. А. Проблема «физического вреда» в теории международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (5). С. 24–43.
14. Пензин А. Биополитика советского авангарда. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/11/article/149> (дата обращения: 21.03.2020).
15. Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия // Логос. 2019. Т. 29. №1. С. 1–27.
16. Лизина Н. В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко // Известия АлтГУ. 2011. № 2–2. С. 206–209.
17. Поколения имбецилов. Как Америка боролась за чистоту генофонда [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/08/02/eugenics/> (дата обращения: 22.03.2020).
18. Жижек С. Следить и наказывать? Пожалуйста! [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/sledit-i-nakazyvat-pozha-lujsta> (дата обращения: 22.03.2020).
19. Иванченко В. Коронавирус: страх не лучший советчик [Электронный ресурс]. URL: [https:// globalaffairs.ru/articles/koronavirus-strah-ne-luchshij-sovetchik/](https://globalaffairs.ru/articles/koronavirus-strah-ne-luchshij-sovetchik/) (дата обращения: 22.03.2020).

CONCEPT OF BIOPOLITICS IN CRITICAL PHILOSOPHY OF M. FOUCAULT

E. V. Mishchishina, A. S. Kostomarov

The article explores the basic ideas and meanings of the biopolitical theory of M. Foucault. The relevance of the chosen topic is due to the existential orientation of a person to clarify the political conditions of his existence, understanding how the space of co-existence is formed and how burning social issues are solved in it. To solve this problem, the authors analyze the modern public order through an appeal to the concept of biopolitics of M. Foucault. In modern humanities, biopolitics is a topically discussed approach to organizing people's lives and a set of socio-political practices, which, according to Foucault, is becoming the dominant form of population management. The theoretical significance of the study lies in the disclosure of the communicative nature of biopolitics, in the analysis of the anthropological manifestations of biopolitics at the level of transformation of the subject, the process of medicalization of life and changes of time, work and leisure. The scientific problem is not only the study of the biopolitical aspects of Foucault's work, but also the consideration of real practices of their application in modern history.

Key words: biopolitics, power, biopower, body, labor, leisure.

Статья поступила в редакцию 17.09.2020 г.

© Mishchishina E. V., Kostomarov A. S., 2020.

Mishchishina Elizaveta Viktorovna (lizavetta.mish@gmail.com), student III course of the Historical Faculty;
Kostomarov Arthur Sergeevich (arthur_boyard@mail.ru), associate professor of the Department of Philosophy of the Samara University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.